

Сегодня к нам пожаловали наши старшие инженеры. Дирекцией, как видно, получено распоряжение проложить новые штольни, вот инженеры и спустились вниз, чтобы провести первые измерения. До чего же это молодой народ, и какие они все разные. Ничто не задерживало их развития, и их рано сложившиеся характеры уже заявляют о себе в полную силу.

Один, черноволосый, быстрый, так и шарит вокруг глазами, как бы чего не пропустить.

У второго записная книжка, он делает на ходу наброски, оглядывается по сторонам, сравнивает, записывает.

Третий шагает, расправив плечи, засунув руки в карманы пиджака, так что все на нем трещит; он исполнен сознания своего достоинства, и только непрерывное покусывание губ выдает его неугомонную молодость.

Четвертый дает третьему непрошенные пояснения; пониже ростом, он, словно искушая, семенит с ним рядом и, подняв вверх палец, нудно толкует обо всем, что ни попадется на глаза.

Пятый, видать, над всеми старший; он никого подле себя не терпит; то убежит вперед, то плетется сзади; остальные по нему равняются; он бледный и хилый, глаза запали; должно быть, чувствуя свою ответственность, он часто в раздумье потирает рукой лоб.

Шестой и седьмой шагают под руку; слегка наклонясь друг к другу и сдвинув головы, они шепчутся о чем-то своем; если бы это был не рудник и не наш забой в недрах земли, этих худощавых безбородых молодцов с хрящеватыми носами можно было бы принять за молодых священников. Один из них больше смеется про себя, мурлыча, точно кот; другой тоже ухмыляется, но он-то и ведет разговор, помахивая в такт свободной рукой. Должно быть, эти господа на хорошем счету у дирекции и немало уже за свой короткий век сделали для рудника, если, участвуя в таком важном деле на глазах у начальства, преспокойно ведут посторонние разговоры или, во всяком случае, разговоры, далекие от их сегодняшней задачи. А может быть, несмотря на смех и кажущееся невнимание, они замечают все, что следует. Нашему брату трудно с уверенностью судить о таких господах.

И все же нельзя отрицать, что, к примеру, восьмой инженер куда больше занят делом, чем эта пара, да и кого ни возьми из его сослуживцев. Ему бы все подержать в руках и обстучать своим молоточком, который он то достает из кармана, то снова прячет в карман. А то возьмет да в своем щегольском костюме станет на колени прямо в грязь и давай выстукивать землю, а уж дальше только мимоходом прослушивает стены и потолок над головой. Как-то он даже растянулся на земле – лежит, не шелохнется; мы испугались, не случилось ли чего, как вдруг он легким усилием своего гибкого тела снова вскочил на ноги. Верно, опять что-то исследовал. Уж на что мы, кажется, знаем наш рудник, любой камешек в нем, а и нам невдомек, чего этот инженер добивается своими поисками.

Девятый толкает перед собой что-то вроде детской колясочки, куда сложены измерительные приборы. Это очень ценные приборы, они завернуты в тончайшую вату. Колясочку мог бы везти слуга, но ему не доверяют; тут опять понадобился инженер, и он, видно, охотно выполняет это поручение. Правда, он здесь самый младший, со многими приборами он, должно быть, и сам незнаком, однако глаз с них не спускает – того и гляди от большого усердия грохнет колясочку о стену.

Не зря к нему приставлен другой инженер; он идет рядом с колясочкой и следит в оба. Этот, видать, до тонкости знает приборы, он, судя по всему, их хранитель. Время от времени, – не останавливая колясочки, он вынимает какую-нибудь часть, просматривает на свет, развинчивает или завинчивает, встряхивает, обстучивает, подносит к уху и слушает; и наконец со всей осторожностью возвращает эту маленькую, почти незаметную на расстоянии штуквинку обратно в колясочку, меж тем как младший стоит и ждет. Этот инженер не прочь и покомандовать, но только что касается приборов. Уже за десять шагов от колясочки мы по его молчаливому знаку должны расступиться – даже там, где расступиться негде.

За этими двумя господами шествует бездельник слуга. Сами инженеры, люди больших знаний, давно, разумеется, отбросили всякое чванство, а слуга, похоже, его подобрал. Заложив одну руку за спину и поглаживая другой золоченые пуговицы и тонкое сукно своей ливреи, он кивает направо и налево, будто мы ему поклонились, а он нам отвечает, или будто убежден, что мы ему поклонились, но с высоты своего величия не удостаивает это проверить. Мы, конечно, ему не кланяемся, а все же, глядя на него, невольно думается, что служитель нашей рудничной дирекции бог весть какая шишка. Мы даже смеемся за его спиной, но так как и удар грома не заставит его обернуться, то он все же остается для нас в некотором роде загадкой.

Работа больше не клеится; перерыв слишком затянулся; такое посещение надолго отвлекает отдела. Уж очень заманчиво постоять и поглядеть в темноту пробной штольни, мысленно провожая исчезнувших в ней инженеров. Да и смена кончается, мы уже не увидим их

возвращения.